

Метафора как средство создания нового значения (на материале прозвищ российских военнослужащих)

Надежда Андреевна РОДИНА

ФГКВОУ ВО «Военный институт физической культуры» Министерства обороны Российской Федерации
194044, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр-т, 63
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Metaphor as a means of creating a new meaning (based on the nicknames of Russian military personnel)

Nadezhda A. RODINA

Military Institute of Physical Education
63 Bolshoy Sampsoniyevskiy Ave., St. Petersburg 194044, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Аннотация. Проанализирована языковая метафора как средство образования нового значения слова. Рассмотрены разновидности метафоры – когнитивная и концептуальная – в понимании зарубежных и отечественных лингвистов докогнитивного и когнитивного периодов. Сделан вывод о корректности применения терминологического сочетания концептуальная метафора в отношении языкового явления. Этот вопрос актуален в настоящее время, так как ассоциативный перенос при присвоении объектам и лицам именованных широко распространён в современной ономастике. Кроме того, в профессиональных коллективах, в рамках бытования жаргона, метафора представляет собой универсальный инструмент образования прозвищ. Приведён пример использования концептуальной метафоры для создания прозвищ российских военнослужащих. С когнитивной точки зрения описаны именованные, данные за особенности внешнего вида, поведения, характера представителей армии. Исследование проведено на основе живого языкового материала, собранного методом анкетирования и прямого интервьюирования военнослужащих г. Санкт-Петербурга. Материал и результаты изыскания могут быть использованы в учебном процессе как в гражданских, так и в военных вузах на семинарах и спецкурсах по ономастике, а также при составлении «Словаря армейских прозвищ».

Ключевые слова: метафора; когнитивная метафора; концептуальная метафора; прозвище; военный социум

Для цитирования: Родина Н.А. Метафора как средство создания нового значения (на материале прозвищ российских военнослужащих) // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 456-462. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-456-462

Abstract. We analyze the linguistic metaphor as a means of creating a new meaning of word. We consider the varieties of metaphor – cognitive and conceptual – in the understanding of foreign and domestic linguists of the precognitive and cognitive periods. We conclude that the terminological combination is correctly applied conceptual metaphor in relation to a linguistic phenomenon. This question is relevant at present, since associative transfer when assigning naming objects and persons is widespread in modern onomastics. In addition, in professional groups, as part of jargon existence, a metaphor is a universal tool for the formation of nicknames. The work provides an example of conceptual metaphor usage to create nicknames for Russian military personnel. From a cognitive point of view, we describe naming, data for the features of the appearance, behavior, character of the army representatives. The study is based on living language material collected by the method of questioning and direct interviewing of military personnel of St. Petersburg. The material and results of the study can be used in the educational process both in civilian and military

universities at seminars and special courses in onomastics, as well as in the compilation of the "Dictionary of Military Nicknames".

Keywords: metaphor; cognitive metaphor; conceptual metaphor; nickname; military society

For citation: Rodina N.A. Metafora kak sredstvo sozdaniya novogo znacheniya (na materiale prozvizhch rossiyskikh voyennosluzhashchikh) [Metaphor as a means of creating a new meaning (based on the nicknames of Russian military personnel)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 456-462. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-456-462 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современный человек зачастую неосознанно использует в своей речи метафоры. Ещё в середине XX века советский лингвист М.М. Маковский отмечал, что язык представляет собой «своеобразное кладбище метафор: слово, некогда бывшее метафорой, со временем может утратить свои явно метафорические свойства, но затем снова подвергнуться метафорическим преобразованиям, которые нередко сходны с первоначальными [1, с. 110].

Ещё в последние десятилетия XX века метафора начала рассматриваться не как троп, а как средство номинации, то есть как вербализованный способ мышления и способ создания языковой картины мира [2, с. 11]. В результате обращение к деятельностному аспекту метафоры, её роли в мировосприятии личности приобрело особую важность.

Отечественный лингвокультуролог В.А. Маслова даёт такое определение метафоре: «Метафора – это такой способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания, постигая новые: из некоторого ещё не чётко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счёт использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций» [3, с. 91].

В процессе своего активного бытования в лингвистике понятие метафоры получило разнообразную типологию. Наиболее популярными разновидностями стали когнитивная и концептуальная метафоры, которые неоднозначно понимались отечественными и западными филологами.

Данные термины внедрились в российскую лингвистику в 60–70-х гг. XX века посредством перевода работ зарубежных авторов, работавших в этом направлении.

В 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном была опубликована работа «Метафоры, которыми мы живём», навсегда разделившая эти два понятия. Для последователей Дж. Ла-

коффа когнитивная метафора – это механизм активации нейронных связей (нейрофизиологический уровень функционирования головного мозга), а концептуальная метафора – это проекция между понятийными областями (уровень понятийного мышления) [4, с. 28]. Дж. Лакофф видел метафору как «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [5, с. 244], «один из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое» [6, с. 45]. Причём исследователи категорично разделяли две её разновидности: когнитивная метафора как механизм соотносится с процессами, протекающими на уровне активации нейронных связей, концептуальная метафора – с уровнем мышления человека в понятиях, суждениях, умозаключениях. Кроме того, логиком первой является нейрофизиологический субстрат головного мозга, второй – понятийное мышление, умственная деятельность.

Что касается отечественных работ, то многие из них основаны на постулатах когнитивной метафорологии [7; 8]. Также в рамках традиционной теории метафоры в докогнитивный период накоплено множество трудов, авторы которых тоже пользовались терминами «когнитивный» и «концептуальный» применительно к метафоре, однако понимали их несколько иначе.

Отечественные исследователи-когнитологи так же, как и зарубежные, признавали взаимообусловленность языка и мышления. Так, когнитивная метафора, по мнению Н.Д. Арутюновой, – это, во-первых, метафорический перенос в сфере предикатных слов, сопровождаемый появлением новых значений; во-вторых, результат такого переноса (когнитивная метафора понимается как старый знак, вторично наполненный новым содержанием). Помимо когнитивной, исследователь выделяла другие функциональные типы языковой метафоры: номинативная (пере-

нос названия), образная идентифицирующая (переход дескриптивного значения в предикатное) и генерализирующая: «метафора и создаёт значение, и даёт ему имя» [9, с. 336].

Другой отечественный лингвист-когнитолог – В.Н. Телия считала, что некоторые из этих типов «приводят к формированию нового значения» [10, с. 193], то есть обладают «когнитивной функцией». Однако когнитивными могли называться только те, которые сопровождали метафорическое наречение не предметных объектов формированием новых (абстрактных) значений. Для иллюстрации подобного переноса В.Н. Телия привела следующий пример: между памятью машины и памятью человека нет реального подобия, но оно устанавливается в результате допущения на основе общего признака «способность к долговременному хранению информации» – как если бы у компьютера был человеческий мозг [10, с. 194].

Е.О. Опарина, перенося по смежности с функцией название «концептуальный» на саму метафору, применительно к способности метафоры порождать новые значения, пользовалась термином «концептуальный» вместо термина «когнитивный» [11].

Так мы видим, что в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода «понимание когнитивной функции метафоры как способности формировать новое значение, а в науке – понятия (или концепта), привела к возникновению ряда ассоциативно связанных между собой терминов: «когнитивная функция метафоры» (перенос по смежности) → «когнитивная метафора» (научная метафора) → «концептуальная метафора» [12, с. 89].

Уже в начале XXI века термин «когнитивная метафора» О.Ю. Буйнова употребляет синонимически наряду с термином «концептуальная метафора» [13, с. 61].

В нашей работе мы будем руководствоваться смыслами, вкладываемыми в эти понятия представителями когнитивного направления – использовать термин «концептуальная метафора» по отношению к инструменту понятийного мышления, способствующему созданию нового значения на основе логического или ассоциативного переноса.

Как известно, каждый социум обладает рядом специфических черт, включающих, на-

ряду с социально-психологическими, культурными, определённые лингвистические характеристики. В силу своих когнитивных особенностей метафора является своеобразным зеркалом картины мира, которая объективно неодинакова у представителей различных культур и обществ. В связи с этим интересным представляется рассмотрение бытования метафоры в определённом кругу людей, имеющих свою специфическую субкультуру.

Одним из таких обществ является военная среда, представляющая собой относительно закрытый круг общения, границы которого обусловлены как территориальными, так и профессиональными факторами.

По мнению исследователей, язык военнослужащих имеет ряд отличительных черт, таких как: краткость, ёмкость, обилие специальной лексики, использование армейского жаргона [14]. Исследования первых декад XXI века установили специфику бытования профессиональной и жаргонной лексики: в этих пластах активно используется метафорический перенос [15; 16]. Однако если терминологическая лексика, функционирующая в научной сфере, чаще является прямой по значению, то жаргонная, не вполне подчиняющаяся нормам современного русского литературного языка, изобилует метафорами.

Поскольку специалисты силовых структур – «люди действия», они быстро реагируют на отличительные проявления других, выделяют их из окружающей массы. Результатом работы такого алгоритма зачастую становится присвоение сослуживцам неофициальных идентификаторов – прозвищ. Согласно определению, данному Н.В. Подольской, этот оним представляет собой «неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [17, с. 111]. Установлено, что прозвища являются частью жаргонной лексики, используемой в неформальном общении [18, с. 102]. И так же, как и жаргон в целом, образная основа прозвищ зачастую имеет метафорический характер.

Первостепенную роль в метафорическом переносе значения, формирующего семантику прозвищ, играет процесс онимизации –

перехода имени нарицательного в имя собственное без изменения формы. Важную роль в использовании имен собственных отмечала А.В. Суперанская: «Ономастика, или онимия, как совокупность имен разных типов; связана со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Везде, где требуется выделение для идентификации или индивидуализации, человек употребляет собственные имена как наиболее удобный способ выделения объекта» [19, с. 324]. И поскольку рекатегоризация подразумевает изменения в суммарном значении слова, перейдя в разряд онимов-прозвищ, оно априори обладает иным значением по сравнению с исходным.

Следует отметить, что с точки зрения мотива номинации прозвища делятся на две большие группы: образованные от официальных имён собственных и образованные по каким-либо экстралингвистическим характеристикам именуемого лица [20]. Безусловно, концептуальность метафорического переноса в создании прозвища ярче проявляется во второй группе, так как прозвище в своём языковом оформлении несёт остаточный след названия первоначального объекта, с которым сравнивается поведение, характер или внешность индивида [21].

Рассмотрим армейские прозвища как пример трансформации создания онима с новым значением на базе ассоциативного переноса.

Так, к военнослужащему, своей внешностью напоминающего сослуживцам кавказца, в неуставное время обращаются по прозвищу *Чёрный*. Как известно, в 90-е гг. XX века за тёмный цвет волос, глаз и смуглую кожу так метафорично называли выходцев из южных республик Российской Федерации. Соответственно, человек, лишь похожий на кавказца, но не являющийся по национальности, например, чеченцем или осетином, ассоциируясь с ним по совокупности внешностных признаков в мышлении окружающих, получает идентификатор *Чёрный*. Таким образом, *Чёрный* в данном случае уже означает не цвет и не этническую принадлежность, а только подобность.

Способом ассоциативного метафорического переноса образованы и прозвища, данные военнослужащим за своеобразность поведения. Приведём пару примеров. Прозви-

ще *Сквозняк*, объективно выделяя скорость передвижения человека, сравнивает его с ветром. Появляется новое значение слова сквозняк – значение имени собственного, данного за схожесть высокой скорости перемещения человека со стремительностью сквозняка-ветра. Однако, рассматривая данное прозвище, следует принять во внимание его возможную отрицательную коннотацию: традиционно сквозняк воспринимается людьми как ветер, провоцирующий заболевания. Второй идентификатор – *Блиц* – представляет собой именование, данное от противного. Слово блиц в переводе с немецкого языка означает «молниеносный», однако дано оно человеку, который отличается, напротив, медлительностью и сосредоточенностью в действиях, в результате чего достигается комический эффект номинации.

Отмечают военнослужащие и особенности характера коллег. Так, например, военнослужащего, отличающегося социальной активностью, внимательностью к окружающим, называют *Деловым*. Мы знаем, что в современном русском языке по отношению к человеку прилагательное деловой используется в значении «знающий дело, толковый, дельный» [22, с. 549], что должно подчеркнуть компетентность лица в каком-то роде деятельности. Однако данный военнослужащий проявляет активность в коммуникации и решении проблем в целом, значит, применительно к нему характеристика «деловой» употреблена уже не в прямом значении, а прозвище *Деловой* – ассоциативная метафора. Также необходимо отметить и своеобразную тенденцию к субъективному негативному восприятию определения деловой (синонимично хитрому), что, следовательно, создаёт и отрицательную коннотацию прозвища. Другого представителя Вооружённых Сил России в неформальной обстановке называют *Падежом*, поскольку он является самым грамотным в своём окружении. Очевидно, военнослужащие из всех лингвистических понятий особо выделяют падежную систему русского языка, ассоциативно связанную с многочисленными грамматическими трудностями. Соответственно, тот, кто более-менее успешно ориентируется в правописании, словоупотреблении и прочих нормах культуры речи, является, по мнению

товарищей, «победителем падежей» – *Падежом*. Таким образом, слово падеж представляет собой уже не нарицательное существительное, обозначающее форму изменения слова в зависимости от его грамматического значения в сочетании, а имя собственное, называющее человека, способного правильно осуществлять это изменение.

К образованию нового значения в форме прозвищ привели также интересные для коллектива жизненные обстоятельства. Например, военнослужащий, который пьёт много воды, получил именование *Водян* – усечённую форму от *Водяной*. Известно, что водяным в славянской мифологии называли существо-духа, живущего в воде. Выделяя обилие жидкости как мотив номинации, товарищи игнорируют её местонахождение: у магического существа вокруг него и у военнослужащего – внутри. В результате такого несоответствия возникает перенос значения нового слова прозвища-метафоры. Ещё один носитель прозвища увлекается боксом, но не занимается им профессионально, в связи с чем именование *Боксёр* является не прямым описанием человека по роду деятельности, а метафорическим социальным маркером, выделяющим индивид из группы и называющим его по мотиву номинации, в данном случае – виду спорта.

Итак, подведем итог нашего исследования.

Во-первых, изучение когнитивной и концептуальной метафор продолжается уже много десятилетий, причём оно разделено на несколько периодов, в зависимости от которых у зарубежных и отечественных лингвистов варьируется понимание и применение этих терминов.

Во-вторых, под средством создания нового значения слов на речевом уровне подразумевается концептуальная метафора, поскольку когнитивная метафора функционирует на уровне мышления.

В-третьих, прозвище является ярким примером трансформации значения слова, которое обозначает один объект, ассоциирующийся со вторым, в значение, заключающееся в названии второго.

В-четвёртых, прозвища российских военнослужащих обладают выраженной метафорической семантикой. В связи с тем, что представители военного социума отличаются особой внимательностью к объектам окружающей действительности, а их подъязык благоприятствует бытованию неформальных идентификаторов, метафоричность армейских прозвищ проявляется в именовании, данных носителям по каким-либо видимым внешним проявлениям: внешности, поведению, характеру, особым жизненным обстоятельствам, известным коллективу.

Список литературы

1. *Маковский М.М.* Языковая сущность современного английского сленга // Иностранные языки в школе. 1962. № 4. С. 102-112.
2. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. *Кимов Р.С.* Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. 183 с.
5. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.
6. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N. Y.: Basic Books, 1999. 624 p.
7. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
8. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации. М.: Наука, 2008. 248 с.
9. *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. 1978. Т. 37. № 4. С. 333-343.
10. *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
11. *Опарина Е.О.* Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 65-78.
12. *Кульчицкая Л.В.* Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 11. С. 85-90.

13. Буйнова О.Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака. Дубна: Феникс+, 2001. С. 49-65.
14. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 22 с.
15. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в научном стиле // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 241-244.
16. Черникова О.А. Метафора в военном жаргоне // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 8 (63). С. 169-171.
17. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
18. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 171 с.
19. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 336 с.
20. Родина Н.А. Современные детские и молодёжные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 22 с.
21. Родина Н.А. Фрагмент описания личности российского военнослужащего в свете социолингвистики (на материале бытования индивидуальных маркеров) // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 1. С. 150-154.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и образование, 2012. 1376 с.

References

1. Makovskiy M.M. Yazykovaya sushchnost' sovremennogo angliyskogo slenga [The linguistic essence of modern English slang]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 1962, no. 4, pp. 102-112. (In Russian).
2. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, 512 p. (In Russian).
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, 208 p. (In Russian).
4. Kimov R.S. *Metafora i metonimiya kak kognitivnyye i epistemicheskiye mekhanizmy formirovaniya yazykovoy kartiny mira* [Metaphor and Metonymy as Cognitive and Epistemic Mechanisms of the Formation of the Linguistic Picture of the World]. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University Publ., 2010, 183 p. (In Russian).
5. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 202-251.
6. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books, 1999, 624 p.
7. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Phraseology Theory Aspects]. Moscow, Znack Publ., 2008, 656 p. (In Russian).
8. Budayev E.V., Chudinov A.P. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in Political Communication]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 248 p. (In Russian).
9. Arutyunova N.D. Funktsional'nyye tipy yazykovoy metafor [Functional types of language metaphors]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literatura i yazykoznanie* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Linguistics], 1978, vol. 37, no. 4, pp. 333-343. (In Russian).
10. Teliya V.N. Metaforizatsiya i eye rol' v sozdaniy yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i yazykovaya kartina mira* [Human Factor in Language. Language and Language World Representation]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173-204. (In Russian).
11. Oparina E.O. Kontseptual'naya metafora [Conceptual metaphor]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 65-78. (In Russian).
12. Kulchitskaya L.V. Ponyatiya «kognitivnaya» i «kontseptual'naya» metafora v otechestvennoy lingvistike rannekognitivnogo perioda [cognitive and conceptual metaphor in Russian linguistics in early period of cognitive linguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*, 2012, no. 11, pp. 85-90. (In Russian).
13. Buynova O.Y. Universal'nyye i spetsificheskiye cherty protsessa metaforizatsii [Universal and specific features of metaphorization]. *Lingvisticheskiye issledovaniya. K 75-letiyu professora V.G. Gaka* [Linguistic Research. To the 75th Anniversary of Professor V.G. Gak]. Dubna, Phoenix+ Publ., 2001, pp. 49-65. (In Russian).

14. Lazarevich S.V. *Leksika i frazeologiya russkogo voyennogo zhargona (semantiko-slovoobrazovatel'nyy analiz): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexis and Phraseology of Russian Military Parlance (Semantic and Word-Formation Analysis). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, 2000, 22 p. (In Russian).
15. Serdobintseva E.N. Professionalizmy v nauchnom stile [Professionalism in scientific style]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo – Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, 2011, no. 23, pp. 241-244. (In Russian).
16. Chernikova O.A. Metafora v voyennom zhargone [Metaphor in military jargon]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 2006, no. 8 (63), pp. 169-171. (In Russian).
17. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ, 1988, 187 p. (In Russian).
18. Suprun V.I. *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic Field of the Russian Language and its Artistic-Aesthetic Potential]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, 171 p. (In Russian).
19. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of the Proper Name]. Moscow, 1973, 336 p. (In Russian).
20. Rodina N.A. *Sovremennyye detskiye i molodëzhnyye prozvizhcha: strukturno-semanticheskyy i funktsional'no-dinamicheskyy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Children and Youth Nicknames: Structural-Semantic and Functional-Dynamic Aspects. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kaliningrad, 2014, 22 p. (In Russian).
21. Rodina N.A. Fragment opisaniya lichnosti rossiyskogo voyennosluzhashchego v svete sotsiolingvistiki (na materiale bytovaniya individual'nykh markerov) [Fragment of the description of the identity of Russian serviceman in the light of sociolinguistics (on material of the existing of individual markers)]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 150-154. (In Russian).
22. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, ONIKS-LIT Publ., Mir i obrazovanie Publ., 2012, 1376 p. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Военный институт физической культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: esperance84@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Поступила в редакцию 12.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department. Military Institute of Physical Education, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: esperance84@mail.ru

Contribution: study conception, data analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Received 12 May 2020

Reviewed 24 June 2020

Accepted for press 26 June 2020